

Studia Culturae: Вып. 4 (46): Биография и нарративы культурной памяти.: И.О Щедрина, Д.В. Гурин С. 134-143.

И.О. ЩЕДРИНА

кандидат философских наук, младший научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Д.В. ГУРИН

кандидат философских наук, заместитель директора по образовательной деятельности Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

УДК 18.7.01

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ: АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В.В. ВЕЙДЛЕ¹

«Память культуры» как особая тема исследований и обсуждений в настоящее время приобретает новые концептуальные развороты и содержательные аспекты. Она охватывает множество тематических пластов: философский, экзистенциальный, исторический, социальный. В то же время, хотя релевантная тематика весьма обширна и обретает буквально на наших глазах все больший понятийный охват, в ней все четче проступает присутствие некоторого идейного основания, позволяющего даже в динамичных условиях современности называть эту тематику интеллектуальной константой культуры. Особым культурно-историческим выражением единства этой тематики предстают и автобиографические нарративы. Они выступают в этой роли в силу их принципиальной конкретности, их погруженности в исторические ситуации, что придает культурной памяти особую актуальность. Автор демонстрирует эту особенность автобиографического нарратива, обращаясь к одной из ключевых фигур в философии культуры русского зарубежья – Владимиру Васильевичу Вейdle. Его воспоминания «Зимнее солнце» и «Вечерний день» дают возможность увидеть множество преломлений человеческой памяти в культурном и философском наследии. Тема памяти и авторского самосознания приобретает особое звучание в контексте жизненных траекторий Вейdle, а его рассуждения об искусстве в эпоху кризиса культуры оказываются сегодня, по сути, прогностическими и демонстрируют философскую значимость культурной памяти.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00884 «Философия культуры русского зарубежья: Г.П. Федотов, В.В. Вейdle, Г.А. Ландау, П.М. Бицилли».

Ключевые слова: память, культура, автобиографический нарратив, В.В. Вейдле, философия русского зарубежья.

I.O. SHCHEDRINA

CSc in Philosophy, Junior Research Fellow at The International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University Higher School of Economics.

D. V. GURIN

CSc in Philosophy, Deputy Head for Educational Activities, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University

MEMORY OF CULTURE: THE AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE OF V.V. WEIDLE

“Memory of Culture” as a special topic of research and discussion is currently acquiring new conceptual turns and substantive aspects. It covers many thematic layers: philosophical, existential, historical, social. At the same time, although the relevant topics are pervasive and literally gaining greater conceptual coverage before our very eyes, the presence of some ideological basis is becoming more and more clear in it, which allows even in the dynamic conditions of our time to call this topic an intellectual constant of culture. Autobiographical narratives appear as a special cultural and historical expression of the unity of this topic. They act in this role because of their fundamental concreteness and immersion in historical situations, making cultural memory especially relevant. The author demonstrates this feature of the autobiographical narrative by referring to one of the key figures in the philosophy of the culture of the Russian emigration – Vladimir Vasilyevich Weidle. His memories “Winter Sun” and “Evening Day” provide an opportunity to see many refractions of human memory in the cultural and philosophical heritage. The theme of memory and the author's self-awareness gains a special resonance in the context of Weidyle's life trajectories, and his discourses on art in an era of cultural crisis are today, in fact, predictive and demonstrate the philosophical significance of cultural memory.

Keywords: memory, culture, autobiographical narrative, V.V. Weidle, philosophy of the Russian abroad.

В марте этого года исполнилось 125 лет со дня рождения Владимира Васильевича Вейдле. Философ, историк искусств, критик, публицист, поэт – его интеллектуальная широта, уровень эрудированности и владение языками по сей день вызывают исследовательский интерес в самых разных гуманитарных сферах [18, 9, 19]. Судьба эмигранта, человека, чья жизнь была связана с «родной чужбиной» [7], оставила глубокий идейный след в его работах об отечественной культуре. О культурно-исторических истоках

такого влияния мы можем судить по его воспоминаниям и мемуарам. Небольшие, емкие истории погружают в атмосферу того времени, позволяя и читателю (а в свое время и самому Вейдле) вновь переживать события, эмоции, раскрывают экзистенциальную и культурную реальность XX в., увиденную глазами мыслящего русского эмигранта.

Изложенные в автобиографическом нарративе воспоминания становятся частью культурной памяти: переложение в текст, практически, прямое проговаривание собственной жизни, событий, чувств, воспроизводит общение с собеседниками Вейдле – родственниками, друзьями, коллегами. При этом личные воспоминания у него всякий раз оказываются связующим звеном с родной культурой и соотечественниками. Для Вейдле, прожившего большую часть жизни вне России, отношение Я–Другой еще сильнее подчеркивает территориальную и языковую отчужденность, в которой он был вынужден существовать больше половины своей жизни. Осмысление и тщательное прописывание воспоминаний (у Вейдле феноменальная память на мелочи) – специфика его нарратива – позволяют нам сегодня соотнести автора и сообщество, индивидуальную память и коллективную. Вейдле демонстрирует читателю и исследователю эпизодические нюансы собственной жизни сквозь тематику исторической и культурной памяти. Обращение к этой проблематике осуществляется в контексте автобиографических нарративов человека, обладающего такой интеллектуальной широтой и культурным кругозором, каким был В.В. Вейдле. И, одновременно, его воспоминания служат связующей нитью настоящего и прошлого, поскольку это прошлое стало историей совсем недавно: сохранились его записи, его тексты, фотографии, голос. Будучи учеником Д.М. Айналова, а позднее – И.М. Гревса, Вейдле знал цену свидетельствам культуры, искусства и истории.

Вспоминая о времени своей учебы на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, Вейдле писал: «Лекции Ивана Михайловича Гревса по средневековой истории я слушал без пропусков четыре года, с самых первых моих университетских дней. Записывал их, перечитывал записанное» [3; С. 114]; «История, как ее Иван Михайлович понимал, была не политическая история, а история идей, духовной жизни, культуры» [3; С. 116]. Понимание истории именно как истории идей, собрания мыслей, воспоминаний и замыслов сохранилось у Вейдле на всю жизнь, выразившись в большом числе работ по истории искусства, литературы и культуры. Прежнюю дружбу и теплые отношения с И.М. Гревсом он поддерживал и после завершения университетского образования. Так, оказавшись в Перми, Вейдле писал ему, кратко зарисовывая обстановку на страницах писем: «можно работать и даже жить» (в настоящее время период работы Вейдле в Пермском университете также

становится предметом исследований. Подробнее см.: [2, 14]). Проработав два года профессором Пермского университета (на тот момент отделение Петроградского университета), Вейдле преподавал историю и искусствоведение вместе со своим другом, историком, Николаем Петровичем Оттокар. Н.П. Оттокар оказал большое влияние на решение Вейдле посвятить свою жизнь истории, Вейдле слушал его курсы (напр., «Города Бельгии в Средние века» в 1915/1916 гг.), их дружеское общение длилось на протяжении долгих лет. Вейдле рассказывал о нем на страницах воспоминаний и посвятил ему текст в «Новом русском слове» [6].

Историко-культурные взгляды на жизнь, на философию и на искусство сложились у Вейдле во многом благодаря окружению, благодаря людям и городам, с которыми философ сталкивался еще в юности. Рим, Флоренция, Париж – европейское искусство и европейская культура, фактически, создали философа с его особенным взглядом (подробнее см.: [10]). При этом Вейдле настойчиво подчеркивал историческую значимость культуры. «Эрмитаж, – говорил он, – органически необходим» (в свое время Вейдле составил каталог Эрмитажа). О.А. Жукова, современная исследовательница отечественной философской мысли, осмысливая творческое наследие и экзистенциальные повороты в жизни Вейдле, отмечает: «Ведущая идея Вейдле – это наследование, преемственность и творческое переосмысление культурного опыта. В этом смысле границы России для него выстраиваются в координатах пространства и времени культуры и совпадают с исторически возникающей и производящей смыслы и ценности семиосферой культуры...» [8; С. 14].

Вернувшись в 1924 г. уже в качестве преподавателя истории искусства в Петроград, Вейдле подал заявление на научную командировку. Однако, судьба распорядилась иначе и командировка обернулась эмиграцией, самоощущением «невольного чужака», тоскующего по родной стране, родному языку и родной культуре. Вейдле остановился в Париже, посвятив свои исследования искусству, истории и философии. Немалую роль в этом сыграл «духовный отец» Вейдле – С.Н. Булгаков, с которым они вместе работали в Свято-Сергиевском православном богословском институте. Активно участвуя в общественной жизни эмигрантской общины, Вейдле входил в состав литературных объединений эмигрантов, был членом Союза русских писателей и журналистов, общества «Икона» в Париже, Русском студенческом христианском движении (РСХД), а также участвовал в собраниях Братства Святой Софии. Оставшиеся материалы, архивные записи, фотографии, рукописи представляют собой важнейшую культурную ценность для отечественной философии. Творчество русской эмиграции того времени развертывалось в рамках ряда направлений рус-

ской мысли. Покинув родину, эти люди стремились осмыслить и привнести нечто родное в окружающую их действительность. Однако, сталкивались они главным образом с кризисными явлениями. «Конец XIX – начало XX в. были отмечены многими мыслителями как период наступившего кризиса культуры. Владимир Вейдле также посвятил многие свои труды попытке анализа истоков и сущности этого кризиса. Специфика его подхода к этой проблеме заключалась в том, что он смотрел на кризис культуры сквозь призму кризиса искусства» [11; С. 37–38].

В самом деле, этот подход стал ключевым для Вейдле, поскольку наиболее известная его книга – «Умирание искусства» была посвящена именно осмыслению кризиса художественной культуры. Что характерно, вначале она была издана в своей французской версии: «Les abeilles d'Aristée»: «В.В. Вейдле рассуждает о духовной деградации человека новейшей эпохи, о кризисе секулярной культуры, о механизации жизни и самого человека, о подмене подлинных духовных ценностей потребностями утилитарно-практического и потребительского характера. По большому счету в данной работе... речь идет не столько об “умирании” собственно искусства и конкретных проявлениях этого процесса, сколько о состоянии современной культуры, которое, по аналогии с “диагнозом” одной ее главных составляющих – искусства – также можно квалифицировать как “умирание”. Философский смысл “умирания” культуры Вейдле, на наш взгляд, определяет... как “умирание” человека» [16; С. 255]

Поскольку речь у нас идет о памяти культуры, которую мы рассматриваем сквозь призму автобиографического нарратива, то чрезвычайно важным оказывается следующий момент: культура – это не только фрагменты текстов и исторические предметы, культура – это люди, живущие в своем времени, сохраняющие самих себя в своей памяти, в нарративах. Обращение к такого рода материалам – это попытка исследователя культуры понять смысл происходящего в то время; понять то, что человек другой эпохи вкладывал в текст, попытка пережить нечто близкое, приближаясь к Другому через искусство и культуру. И осуществляется это приближение также и благодаря «чужой памяти». В работе «Задача России» Вейдле приводит яркий образ: «*Культура всегда – здание, построенное на вулкане и достраиваемое неустанно из охладевшей лавы последнего извержения. Здание колеблемо подземными толчками и грозит обрушиться на своих строителей, но оно стоит, пока не потух вулкан, и лишь без его огня оно погибнет*» [4; С. 92]. Казалось бы, это беспрестанное возведение здания, буквально, эта новая Вавилонская башня культур заранее обречена на кризис и гибель, однако, Вейдле все-таки обладает светлым взглядом на происходящее вокруг, несмотря на весь его личный мрачный опыт XX в.

Манера работы над собственными текстами воспоминаний у Вейдле

всегда соотносится и с его размышлениями об искусстве, в частности, о художественных произведениях. Так, например, он акцентировал категорию целостности: «Целостность художественного произведения обусловлена “духовно-душевно-телесной” целостностью человека, производной от целостности сверхприродной. Целостность художественного произведения возникает при эстетическом отношении автора к миру и слову» [18; С. 124]. Эту целостность Вейдле выдерживает и на страницах автобиографических нарративов. Проявления индивидуальной памяти обретают у него особое эстетическое оформление. Так, он до предельности четко описывает минуты, когда к нему пришло осознание собственного Я. Причем выписаны мельчайшие детали и подробности, где, когда, в какой день это произошло. Такое погружение в контекст, переживание ощущения чужого-своего Я заставляет читателя заново вспоминать, как он сам проходил подобное.

При этом Вейдле обращается и к ряду философских концепций – обсуждает идеи Фихте, Штирнера – и, в то же время, он раскрывается сам, раскрывая в воспоминаниях часть собственного экзистенциального озарения: «Фихте справлял не день рождения своего сына, но день, когда тот впервые сказал “я”. На поверхности, это неразумно... Но по замыслу это глубже, чем даже вся философия, которую Фихте сюда вложил; не говоря уже о “единственном” с его собственностью, о “сверхчеловеке”, или о пожаловании заглавной буквы местоимениям первого лица. Осознание своего “я” есть и признание чужого, основа сочувствия ему, возможности порицания его, ни и – что куда важнее – невозможности его отрицания. Тот миг, между ледником и кухней, для меня бесследным не прошел. Не то чтоб я хоть на грош уяснил тогда то, чего на четвертак и теперь уяснить себе не в силах. Но, быть может, и впрямь та мысль воспитание мое начала. Рано проснулись во мне две силы: отказ от растворения себя в чужом, общем, в чем бы то ни было вообще; и любопытство, да и приязнь, ко всему лично-му в других личностях» [5; С. 26–27]. Таким образом, на страницах автобиографического нарратива в едином потоке воспоминаний оказывается связаны эстетическое и эпистемологическое, индивидуальная память – и культурно-исторический контекст, объединяющий людей и переносящий сквозь время. Культура в таком ключе становится не объектом, а особым пространством существования, от времени не зависящим; и тем значительнее роль автобиографического нарратива Вейдле при обращении к памяти культуры.

В своей жизни Вейдле довелось работать не только с текстами и художественными экспонатами. Философ долгое время был директором тематических программ на радио «Освобождение» (позже «Свобода»). Эта

информационно-политическая радиостанция возникла в 1953 г. в результате усилий американской дипломатии и советских эмигрантов. До начала 1990-х гг. вещание велось из Мюнхена, Нью-Йорка, Парижа и Лондона, затем – из Праги и Москвы. Уже в 1954 г. радио работало круглые сутки, осуществлялась непрерывная трансляция передач, звучали самые разнообразные темы и жанры, и на радио требовались опытные и образованные сотрудники, специализирующиеся на литературных текстах. В тот год в Париже Вейдле получил предложение включиться в работу радио, согласился, и вскоре стал бессменным ведущим, а позже и редактором. Причем, вел он передачи самозабвенно, полностью отдаваясь работе. Степун в одном из своих писем Чижевскому заметил о тогдашнем периоде в жизни Вейдле: «Вейдле работает сейчас, как раб, на русско-американском радио и ничего писать не может» [13; С. 402]. На рубеже 1960–70 гг. Вейдле работал над воспоминаниями. Поначалу они были созданы как тексты радиопередач «Беседы Вейдле». Запись осуществлялась фрагментами по девять минут, оттого в текстовых воспоминаниях много небольших «главок»; они создавались на основе машинописного текста по записи радиопередач. Таким образом, основной массив автобиографических нарративов Вейдле был опубликован по авторизованным машинописям из Бахметьевского архива (включая «Сто дней счастья, или Моя первая Италия»); помимо этого, необходимо назвать отдельные работы «Зимнее солнце» и «Вечерний день» и стихи, опубликованные посмертно: «На память о себе: Стихотворения 1918–1925 и 1965–1979».

Радио в целом играло огромную роль в жизни философов-эмигрантов того времени. Степун 1 ноября 1956 г. писал Вейдле: «Пересылаю, как обещал, мою радиорецензию на Вашу прекрасную книгу. Читая ее, установил очень большую близость наших точек зрения на Россию и ее культуру. Может быть, во мне несколько больше московской сдобы, а [в] Вас петербургского гранита» [13; С. 262]. Степун говорит о книге «Задачи России» [4]. В одном из очерков («Петербургские пророчества») Вейдле рассуждает о разнице московского и петербургского «начала», приведя слова Хомякова: «Я увидел город, где все из камня: дома, деревья, горожане». Эту тему шутливо обыгрывает Степун, говоря о себе как о москвиче, а о Вейдле как о петербуржце.

Даже в таких деталях (подчеркну, особенно в таких деталях!) видно предельно точное, выверенное отношение к родным локациям, к родной культуре у людей, оставшихся на чужбине. В то же время, воспоминания – довольно противоречивый материал. Сами по себе они не могут быть чем-то фиксированным, четко определенным раз и навсегда. Каждое воспоминание – каждая реконструкция прошедших событий – является в то же время потенциальным источником модификаций не только в зависимости

от происходящего вокруг, но и в связи с внутренним самоощущением самого автора воспоминаний. И тем не менее, автобиографический нарратив ярко демонстрирует динамику конкретной культурной памяти, даже в деталях. Так, Вейдле оставил воспоминания, используя в качестве названия строчку из собственного стихотворения; он заостряет на этом внимание на первых же страницах: «Вот у меня строчка в не напечатанных стихах полувековой давности: Лучи на полу, и тени; это зимнее солнце за окном... уж не думал, что пригодится, что вспомню ее теперь по-новому» [5; С. 4]. Это воспоминание «по-новому», переосмысление автобиографического нарратива очень показательно: «Да и жизнеописание ли это, в полном смысле слова? Вспоминать имею намерение с выбором. Это не исповедь <...> Но это же не мемуары. И не совсем автобиография, уже потому, что будет очень неполна... вот и буду же больше рассказывать о том, о кем или с чем посчастливилось мне встретиться <...> Да и диковиной все равно покажусь, как бы обыкновенен ни был, соотечественникам моим, в конце века, перемены видевшего, которых на три хватило бы с лихвой» [5; С. 4].

Возможность сохранить собственные воспоминания, поделиться ими в дальнейшем с современниками и потомками, была очень важна для представителей русского философского зарубежья. В условиях разрозненного сосуществования, находясь вдали от родины, эмигранты остро чувствовал необходимость изложить свое мироощущение и мысли о культуре не только в статьях и концептуальных работах, но и в живом нарративе. Память о юности, друзьях и коллегах оживает на страницах воспоминаний. Как писал сам Вейдле 5 апреля 1976 г. Глебу Струве в Париж: «Дорогой Глеб Петрович, спасибо Вам за интересное письмо, где Вы о разных годах Ваших вспоминаете в связи с моей книгой. Вот бы и рассказать Вам о них в печати! А уж я, во всяком случае, жду продолжения, когда дочитаете “Зимнее солнце”. Как кого, а меня оно греет. Перечитываю, совсем по-глупому, самого себя на сон грядущий и переносишь, хоть ненадолго, в те сказочные времена...»[1]. «Зимнее солнце» произвело такое впечатление не только на самого автора – в статье, посвященной памяти Вейдле, А. Шмеман вспоминает с такой же теплотой: «И как хорошо, что “Зимнее солнце”, самая последняя его книга – о детстве, о молодости, о России этого детства и молодости, вся насквозь именно благодарностью пронизана, “зимним солнцем” ее светит и радуется...»[17; С. 179]. Такое отношение к тексту, к памяти, к самой культуре оставило ощущение неразрывной связи Вейдле с культурой: «Был он не “культурным человеком”, а неким поистине чудесным воплощением культуры.» [17; С. 175].

О бесспорном статусе культуры как ключевого элемента в воспоминаниях и научных работах Вейдле сегодня пишут многие исследователи,

отмечая специфику его творчества, погруженного в историческую память «...его все более яркий и выразительный язык (в последних статьях и книгах тяготеющий к афористичности), устойчивая самостоятельность мышления, ориентированная на приоритеты культуры перед политикой» [15; С. 149]. Итоги своей жизни, 55 лет из которой он провел вдали от родины, Вейдле подвел кратко: «Не воевал. В лагерях и тюрьмах не сидел... Против совести ни говорить, ни писать, ни поступать не пришлось... Имел друзей. Повидал почти все, что мечтал увидеть» [5; С. 4]. Описывая события в автобиографических нарративах, выделяя наиболее яркие моменты и ярких людей, он позволяет читателю увидеть и прочувствовать собственное восприятие, свои впечатления и эмоции. Так Вейдле прокладывает мост между настоящим и прошлым, и его индивидуальная память раскрывает с новых сторон прошлое и настоящее отечественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Откликаюсь фрагментами из собственной биографии...» Эпизод переписки Г. П. Струве и В. В. Вейдле. Публикация, подготовка текста, предисловие и комментарии Е. Б. Белодубровского // Новый Мир, номер 9, 2002. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/9/otklikayus-fragmentami-iz-sobstvennoy-biografii.html (дата обращения: 25.11.2020)
2. Братухина Л.В. Владимир Вейдле: пермская нота в судьбе ученого // Мировая литература в контексте культуры. № 7 (13). 2018. С. 188–200.
3. Вейдле В.В. Воспоминания. Публикация и комментарии И. Доронченкова // Диаспора: Новые материалы. Т. III. СПб.: Феникс, 2002.
4. Вейдле В.В. Задача России: Место России в истории европейской культуры. Нью-Йорк: Изд. имени Чехова, 1956.
5. Вейдле В.В. Зимнее солнце. Из ранних воспоминаний. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016.
6. Вейдле В.В. Почетный гражданин Флоренции (Н.П. Оттокар) // Новое Русское Слово. 17 июля 1977. С. 5.
7. Вейдле В.В. Родная чужбина // Новый журнал. кн. 126. New York, 1977. С. 266–272.
8. Жукова О.А. Границы России: культурный универсализм В.В. Вейдле // Философские науки. № 7. 2015. С. 14–27.
9. Кара-Мурза А.А. Проблема «Россия и Европа» в эмигрантских трудах В.В. Вейдле // Философский журнал. Т. 11. № 4. 2018. С. 139–152.
10. Кара-Мурза А.А. Флоренция В.В. Вейдле (опыт философского краеведения) // Философские науки. № 7. 2015. С. 45–52.
11. Розова Е.О. Философия искусства В.В. Вейдле // Вестник московского университета. Серия 7: Философия. № 1. 2015. С. 36–50.
12. Сиземская И.Н. Россия и Европа: В.В. Вейдле о европейских традициях в русской культуре // Философия и культура. № 5 (89). 2015. С. 704–714.
13. Степун Ф. А. Письма / сост., археогр. работа, коммент., вступительные статьи к тому и разделам В. К. Кантора. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013.
14. Табункина И.А. В.В. Вейдле и пермский университет // Мировая литература в контексте культуры. № 5. 2010. С. 10–12.
15. Усманов С.М. Европа и Россия в историософии Владимира Вейдле // Соловьевские

исследования. № 4 (40). 2013. С. 140–153.

16. Хохлова Е.И Владимир Вейдле: Философия «Умирания искусства» // Булгаковские чтения. № 5. 2011. С. 255–260.

17. Шмеман А. Памяти Владимира Васильевича Вейдле // Вестник РСХД. Париж, 1979. № 129. С. 175–179

18. Шутёмова Н.В. Понятие целостности художественного произведения в философии поэзии В.В. Вейдле // Иностранные языки в контексте культуры. Сборник статей по материалам VII международной научно-практической конференции «Иностранные языки и литературы в контексте культуры», посвященной 115-летию со дня рождения В. В. Вейдле (Пермь, Перм. ун-т, 23 апр. 2010 г.). Пермь, Пермский государственный университет, 2010. С. 121–124.

19. Щедрина И.О. Индивидуальная память и автобиографический нарратив // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 28–32.

REFERENCES

1. «Откликayus' fragmentami iz sobstvennoj biografii. ...» Epizod perepiski G. P. Struve i V. V. Vejdle. Publikacija, podgotovka teksta, predislovie i kommentarii E. B. Belodubrovskogo // Novyj Mir, nomer 9, 2002. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/9/otklikayus-fragmentami-iz-sobstvennoj-biografii.html (data obrashcheniya: 25.11.2020)
2. Bratuhina L.V. Vladimir Vejdle: permskaya nota v sudbe uchenoego // Mirovaya literatura v kontekste kul'tury. № 7(13). 2018. S. 188–200.
3. Vejdle V.V. Vospominaniya. Publikacija i kommentarii I. Doronchenkova // Diaspora: Novye materialy. T. III. SPb: Feniks, 2002.
4. Vejdle V.V. Zadacha Rossii: Mesto Rossii v istorii evropejskoj kul'tury. Nyu-York: Izd. imeni CEkhkova, 1956.
5. Vejdle V.V. Zimnee solnce. Iz rannih vospominanij. M.; Berlin: Direkt-Media, 2016.
6. Vejdle V.V. Pochetnyj grazhdanin Florencii (N.P. Ottokar) // Novoe Russkoe Slovo. 17 iyulya 1977. С. 5.
7. Vejdle V.V. Rodnaya chuzhbina // Novyj zhurnal. kn. 126. New York, 1977. S. 266–272.
8. Zhukova O.A. Granicy Rossii: kul'turnyj universalizm V.V. Vejdle // Filosofskie nauki. № 7. 2015. S. 14–27.
9. Kara-Murza A.A. Problema «Rossiya i Evropa» v emigrantskih trudah V.V. Vejdle // Filosofskij zhurnal. T. 11. № 4. 2018. S. 139–152.
10. Kara-Murza A.A. Florenciya V.V. Vejdle (opyt filosofskogo kraevedeniya) // Filosofskie nauki. № 7. 2015. S. 45–52.
11. Rozova E.O. Filosofiya iskusstva V.V. Vejdle // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. № 1. 2015. S. 36–50.
12. Sizemskaya I.N. Rossiya i Evropa: V.V. Vejdle o evropejskih tradiciyah v russkoj kul'ture // Filosofiya i kul'tura. № 5 (89). 2015. S. 704–714.
13. Stepun F. A. Pisma / sost., arheogr. rabota, komment., vstupitelnye stat'i k tomu i razdelam V. K. Kantora. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2013.
14. Tabunkina I.A. V.V. Vejdle i permskij universitet // Mirovaya literatura v kontekste kul'tury. № 5. 2010. S. 10–12.
15. Usmanov S.M. Evropa i Rossiya v istoriosofii Vladimira Vejdle // Solov'evskie issledovaniya. № 4 (40). 2013. S. 140–153.
16. Hohlova E.I Vladimir Vejdle: Filosofiya «Umiraniya iskusstva» // Bulgakovskie chteniya. № 5. 2011. S. 255–260.
17. SHmeman A. Pamyati Vladimira Vasil'evicha Vejdle // Vestnik RSKHD. Parizh, 1979. № 129. S. 175–179
18. SHutyomova N.V. Ponyatie celostnosti hudozhestvennogo proizvedeniya v filosofii poezii V.V. Vejdle // Inostrannye yazyki v kontekste kul'tury. Sbornik statej po materialam VII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Inostrannye yazyki i literatury v kontekste kul'tury», posvyashchennoj 115-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Vejdle (Perm', Perm. un-t, 23 apr. 2010 g.). Perm', Permskij gosudarstvennyj universitet, 2010. S. 121–124.
19. SHCHedrina I.O. Individual'naya pamyat' i avtobiograficheskij narativ // Voprosy filosofii. 2020. № 6. S. 28–32.